

7. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Мониторинг государственных и муниципальных услуг в регионе как стратегический инструмент повышения качества регионального управления: опыт, проблемы, рекомендации / Под общ. ред. В.В. Маркина, А.В. Осташкова. М.: Экслибрис Пресс, 2008. 321 с.
9. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 года № 601. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Оценка удовлетворенности жителей Свердловской области качеством предоставления государственных и муниципальных услуг в 2013 году. Аналитический отчет. URL: http://ar.gov66.ru/UploadFiles/ckfinderFiles/files/Отчет_Гос%20Услуги%20Оутвержден.pdf (дата обращения 13.02.2014).

Ибрагимов Р.Н.,
г. Абакан

СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ОСНОВАНИЯ ПАРАДИГМАЛЬНОСТИ

Строение социологического, да и социально-гуманитарного знания в целом таково, что здесь трудно провести такие же строгие разграничительные линии, как, например, между живым и неживым объектами, между растениями и животными, между элементарными частицами. Поэтому и между науками, изучающими человека и формы его общественной активности, отношение скорее симбиотическое, чем

отчужденное, как между химией и биологией, зоологией и ботаникой и пр. Например, ложь изучает не только логика, но и этика, юриспруденция и целый ряд социологических дисциплин.

Называя личность интегративным объектом, мы, тем самым, еще раз демонстрируем, что и на этом основании социальное знание напоминает ризому, обладает синкретическим характером.

Условность межпредметных связей в общественных науках и внутри социологического знания объясняет важную роль *парадигм* в их функционировании и развитии. Парадигма – это негласный стандарт теоретизирования, задающий аксиоматический ряд, направление и формы научного исследования, который действует в больших системах знания (науках, комплексах наук) в течение длительного периода времени. Применительно к метанаучным парадигмам можно, например, говорить о механистической или органистической парадигмах; в физике принято различать классическую и релятивистскую парадигмы, смена которых произошла в начале XX века.

В социологии ситуация, когда информация, выработанная пусть даже рационально-критическим образом в одной дисциплине, усваивается и аксиоматически функционирует в других отраслях знания, наблюдается повсеместно и по достаточно большому числу поводов. Не случайно для анализа парадигм социологии выделена особая одноименная дисциплина. Здесь рассматриваются многочисленные детерминизмы – биологический, демографический, психологический – многие из которых составили собой настоящие эпохи.

Применительно к нашей проблематике актуально противопоставление со *структуралистской парадигмой*. Она и поныне действует в широком диапазоне наук, не имеющих порой никакого отношения к социально-гуманитарной проблематике. Ее суть вкратце исчерпывается тезисом, что

природа, функционирование, смысл существования любого объекта объясняются внешними и внутренними системными связями этого объекта.

Придание исключительного значения структуре автоматически принижает, а в самых экстремальных случаях и элиминирует, уничтожает роль элементов в сложном системном целом. Качественная, субстратная специфика составляющих целое частей расшифровывается через набор функций, вменяемых элементу всей системой. Поэтому элемент становится в структурализме величиной, которой можно пренебречь. В крайнем, экстремальном выражении структурализм проявляется в *холизме*. Применительно к социологии он гласит, что объяснение сути любого общественного феномена может и должно обходиться без каких-либо ссылок на человеческий фактор, что для этого достаточно указания на массивы отношений и связей, образующих этот феномен, и наделения этих связей определенными функциями.

Примером такого отношения к человеку является *должностная инструкция*. Этот документ не предусматривает таких проявлений личности работника, как настроение, фантазия, цинизм; он не учитывает таких факторов, как невыкопанная картошка или заболевший ребенок. Должностная инструкция ограничивается полномочиями, правами, ответственностью работника. Она универсальна и поэтому равнодушна даже к фамилии, имени и отчеству того, кто ею руководствуется. Человек – это функция, параметры которой заданы должностной инструкцией. «Ничего личного!», – реплика киллера и кадровика.

Структуралистская парадигма, как известно, получила в социологии чрезвычайно широкое распространение. И холистский подход к соотношению личности и общества практиковался задолго до Т.Парсонса. Рекорд цитирования здесь принадлежит знаменитой формуле К.Маркса «Человек есть ансамбль общественных отношений» [1, с.3]. Ч.Х. Кули обосновывал тот же тезис сквозь призму прагматической педагогики и

психологии [2, с.135]. Особой разновидностью холизма можно также считать нейроэкономический подход. По крайней именно на примере успешности мирчендайзинга можно лучше всего понять причины такой популярности структуралистского подхода.

Во-первых, структурализм первоначально победил как наиболее адекватный ответ на проблему социальной онтологии и наиболее предпочтительный вариант преодоления психологизма, психологического детерминизма. Действительно, социология изучает общество, а в нем нет ничего (как тогда казалось), кроме людей и отношений между ними. Производим банальную операцию вычитания «система – элемент» и получаем: «структура».

Во-вторых, сама специфика социологии предполагает определенную типизацию и, как следствие, обезличивание человека. «Типичный русский» исключает монотонную аккуратность, «типичная теща» исключает дружелюбие к зятю. На этих примерах видно, насколько опасно принимать теоретическую условность за реальное положение вещей, поскольку и маниакальных приверженцев порядка среди русских предостаточно, и приличные тещи встречаются не реже.

В-третьих, нельзя исключать идеолого-мировоззренческого фактора, когда неусмотрение личностного фактора в общественной жизни является продолжением осознанного или подсознательного стремления исключить его. Ведь личностный фактор предполагает и личную инициативность, и, главное, личную ответственность. А последнее чрезвычайно неприятно и вызывает жгучее желание уклониться.

Рассмотрим пример. В 2005 г. Закон о выборах исключил возможность избираться депутатам-«одномандатникам» и предписал избрание по «партийным спискам» [3]. Под громкие декларации усиления ответственности правящей партии перед избирателями осуществилось полная деперсонификация депутата в глазах избирателя. Депутат

превратился в «типичного единосрасса», «типичного коммуниста», «типичного жириновца». Зачем? Попробуем в качестве эксперимента спросить, кто персонально из депутатов ГосДумы голосовал за «педофильские», снижающие «возрастной порог согласия» до 12 лет, поправки в Уголовный кодекс, и какие регионы они представляли. Можно даже надеяться составить карту «педофильских» регионов, население которых сознательно и вдохновенно избрало депутатов, лоббирующих интересы педофилов.

Естественно, надежды эти беспочвенны. Даже простой эксперимент в виде попытки задать этот вопрос в прямом эфире провинциального телевидения был пресечен на корню. И это лишний раз показывает, насколько сильным может быть подспудное влияние, а иногда и прямое указание Заказчика социологических исследований. Даже если бы в эпоху социализма существовал класс рабовладельцев, его присутствие все равно осталось бы неучтенным социологией во избежание неприятностей, которые могли последовать за таким учетом. И влияние иных властей, как показывает опыт, отличается от т.н. «тоталитарных» лишь количественно.

Структуралистской объективно противостоит *социально-атомистическая парадигма*. Точкой отсчета в ней является человек, через интересы, идеи, деятельность которого расшифровывается все многообразие социального мира. Человек создает и приводит в движение материальную среду обитания; человек продуцирует и запускает в социальное пространство идеи; человек выстраивает отношения с другими людьми, и насколько регулярными, устойчивыми будут эти отношения, зависит в том числе и от человека.

Социально-атомистическая парадигма также имеет множество конкретизаций и тоже существует довольно давно. Например, еще в «досоциологическую» эпоху возникли теории общественного договора, или конвенционализм. Его адептами были такие видные социальные мыслители,

как Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо. Действие социальных институтов, законов и правил объяснялось в конвенционализме добровольным индивидуальным согласием, отражающим выгоду всех и каждого.

Конвенционализм получил развитие и в современной социологии. К его особым видам, например, можно отнести теории солидарности, а также теорию символического обмена Дж. Хоманса. В этих теориях понимание конвенции не столь прямолинейное, как, например, в теории общественного договора Локка. Поиск «Своего» в социальном пространстве, предъявление символа или коннотата не выглядят, подобно объявлениям в газете, прямыми рационально спланированными обращениями. Конвенция достигается скорее субъективно переживаемыми пробами и ошибками, как, например, в ходе пристрелки ружья. Здесь заметно влияние прагматической линии в философии и социологии, где социальная успешность также начинается с субъективно-личного потока сознания и хаотического опыта.

Подобно тому, как холизм есть крайнее и последовательное воплощение структуралистской парадигмы, социально-атомистическая парадигма также имеет свой экстремум – персонологию, понимаемую теперь не в качестве локальной теории, а в качестве исходной теоретической установки, фактически – *личностной (или персонологической) парадигмы*. Центром исследовательского внимания становится здесь не «человек вообще», а личность как социокультурный феномен. Требования к этой категории намного строже – и в логическом, и в интеллектуальном, и в нравственном, и в эстетическом ключе.

Персонологическая парадигма – это система исследовательских установок, делающих личность преимущественным объектом изучения. В этом случае все содержание социологического знания может быть редуцировано к личности. Парадигмальный характер персонологии

позволяет особым образом реинтерпретировать содержание большинства локальных социологических теорий.

Например, такое важное тематическое ответвление, как социология инноваций может переключиться от изучения внешних формальных предпосылок и условий, к изучению процедур творческого поиска личности. Здесь, как нигде, заметен структуралистский перекоп, заключающийся в ничем не обоснованной убежденности, будто достаточно создать организационно-финансовые предпосылки – и инновационные фантазии буквально зафонтанируют. Опыт показывает, что гарантированно фонтанируют лишь имитации новизны.

Социоперсонология строит исследование, отталкиваясь от того простого факта, что *всё социальное является* не просто человеческим, а именно *личностным*. Наше отношение к формуле «Культура производит личность, а личность – культуру» напоминает порой отношение к первым статьям Конституции – вежливое, но невнимательное одобрение. А между тем фундаментальная возможность «персонологического поворота» имеется и в этих декларативных проформах. Пункт 1 «Всеобщей декларации прав человека», помимо прочего, гласит: «Все люди... наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» [4]. Ну вот же, черным по белому: если нет разума и/или совести, значит – не человек! И никакого слюняйского гуманизма, Эталонная Личность собственной персоной. Если общество не генерирует хотя бы ее отдаленное подобие в достаточно большом объеме, если снизу нехватка разума, а сверху – совести, то и само общество не соответствует заявке «Всеобщей декларации...»

Вернемся к парадигме. Любое социальное явление персонально, во-первых, *генетически*, по происхождению: даже будучи рутинным в течение сто- и тысячелетий, это явление изначально было «запущено в оборот» чьим-то личным промыслом. Даже гигантские политические системы,

функционирующие по объективным (т.е. вне-личностным) законам, на поверку оказываются личными проектами Темучжина Борджигиновича Чингисхана, кардинала Ришелье, Отто фон Бисмарка и пр. И по сей день несут на себе неизгладимый отпечаток их личностей.

Генетический аспект персонологии имеет довольно громоздкие методологические последствия и обязательства, поскольку влечет гораздо более тщательное и подробное обращение к исторической информации о персональных первоисточках исследуемых объектов. Например, если таким объектом является коммунизм, то дежурно-схематической отсылки к Марксу или Руссо уже недостаточно; требуется учесть индивидуальные векторы влияния от пророка Мани до квакера Дж.Фокса [5, с.720].

Во-вторых, социальное личностно *морфологически*, по форме. Вменяемость и дееспособность конкретных исполнителей социальных рутин подразумеваются нами по умолчанию, но не исчезают от этого вовсе. Устранить логическое противоречие между объективностью и непреложностью социальных законов, с одной стороны, и свободой, и разумностью исполнителей – с другой, может только концепт личности. И дело не только в логике, но и в социальной онтологии, где оснащенные умом, совестью и чувством долга индивиды встречаются статистически часто и локализованы в социальном пространстве именно в «нужных местах». Чтобы убедиться, представим себе от противного, что в кресле вагонновожатого, авиадиспетчера или президента сидит и добросовестно выполняет работу человек в смиренной рубашке.

В-третьих, социальное личностно *телеологически*, по целям и задачам. Не стоит путать личностное стремление с целерациональностью, хотя и в этой позиции можно было бы поспорить с М. Вебером, понимавшим целерациональность слишком узко. Женский скандал или кровавый майянский ритуал имеют столь же ясную цель и столь же отобранные средства, что и манипуляции биржевого маклера. Более того, если бы у

древних майя были социологи, они, пронаблюдав действия биржевого дилера, вероятно, сильно усомнились бы в их целерациональности.

Аксиоматическая установка персонологической парадигмы: *целью функционирования или развития любой социальной системы является производство конкретных типов личности*. Подлинной целью производства автомобилей «ВАЗ» является не производство автомобилей «ВАЗ», а личностного типа, готового раз в неделю лежать под автомобилем «ВАЗ».

Для прояснения специфики социоперсонологической парадигмы вернемся к примеру, с должностной инструкцией. Как административная декларация она, конечно, описывает и предписывает место в социальной ячейке какой-либо организации. Однако в годы застоя сложилась традиция, продержавшаяся до начала 2000-х годов, а кое-где бытующая и поныне: вновь поступающим работникам или всему персоналу во время очередного организаторского ажиотажа предлагалось составить себе должностные инструкции. Это, конечно, был явный персонологический перекося: теоретически ничто не удерживало работника-сочинителя от внесения в сочиняемый документ директорских полномочий или сокращения рабочего дня до 1 часа. Однако, и это тоже важный личностный фактор в функционировании социальных организаций, у подавляющего большинства работников хватало страха / благоразумия / совести для уклонения от подобных организационных фантазий.

Однако и унификация должностных инструкций, усилившаяся в последние годы, не означает исчезновения личностного фактора ни в их создании, ни в их обороте. Даже приглашенные «под общий стандарт» инструкции пишет персонально кто-то. И даже сквозь многократные стилистические правки проступают те или иные черты безымянного автора: тоталитарность, хитрость, жадность или перфекционизм. Чего стоит один только перл «выполняет иные разовые поручения начальника»!

Здесь-то и вырисовываются контуры того, с чего следовало бы начать – с *актуальности* персонологической реинтерпретации социологического дискурса. За последние 10-15 лет мы утыкаемся в проблемы, которые холизм решить не в состоянии. Цивилизация заказывает сама себе производство личностей с несопоставимыми атрибутами: трезвомыслящие и ответственные члены гражданского общества (с одной стороны), но обуреваемые всё возрастающей жадной потреблением (с другой стороны). Этого парадокса не желает замечать ни экономический, ни политический структурализм, ни, тем более, политико-экономические структуры. И, видимо, не случайно: *личность есть мера неуправляемости человека.*

Если общество желает убить себя демографически, оно усиленно репродуцирует булемический типаж-идеал, которому только не рожать, но просто жить затруднительно. Какие при этом будут задействованы механизмы – дискриминация толстяков в СМИ или насаждение Барби – уже неважно. Главное, что здесь коммуникации или экономика – это инструменты воспроизводства личности, а не наоборот. И социология коммуникаций или экономическая социология играют вспомогательную для социоперсонологии роль, а не наоборот, когда понятие личности бродит по околоткам монструозных экономических текстов.

У Х.Л. Борхеса есть замечательный образ, как нельзя лучше подходящий для нашей темы – Алеф [5]. Это точка, монада, в которой находят отражение все события всех времен и пространств. *Личность – это и есть социокультурный Алеф.*

Литература

1. Маркс К. Философско-экономические рукописи 1844 г. – Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд., Т.3.
2. См.напр. «Ссылка на других людей, содержащаяся в значении Я, может быть отчетливой и конкретной, как в случае, когда мальчик

сгорает со стыда, будучи застигнутым матерью за тем, что она ему запретила, или неопределенной и общей, как в случае, когда человек стыдится за содеянное, о котором ведает и которое осуждает лишь его совесть, выражающая его чувство ответственности перед обществом», – Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ.— М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – С. 135

3. Федеральный закон от 18 мая 2005 года N 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».
4. Всеобщая декларация прав человека. – http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml, дата посещ.30.01.14.
5. Покровский А. И. Квакеры // Христианство: Словарь в 3 тт. Т.1. — М.: БРЭ, 1993.
6. Сам Борхес объясняет Алеф так: «Место, в котором, не смешиваясь, сходятся все места земного шара, и видишь их там со всех сторон». – Борхес Х.Л. Проза разных лет. – М.: Радуга, 1984. – С.193.

Каширина (Вернер) М.В.,

г. Абакан

ФАЛЬСЕОИНТЕРАКЦИИ

КАК ПРИЗНАК СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

Общим местом современной публицистики стало сетование, что ложь пронизывает все сферы общества. Чем сильнее развито общество – тем чаще и разнообразнее ложь. Чем выше степень свободы – тем сильнее искушение выбора в пользу лжи.